

УДК 930.94

**РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ КАК МЕТАМОРФОЗА
«ПОГРАНИЧЬЯ» В ПОЛЬСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ
КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.**

А.В. Ашаева, Е.А. Чиглинцев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию польской историографии рецепции античности в контексте специфического исторического опыта региона Центральной и Восточной Европы во второй половине XX – начале XXI в. Восприятие и интерпретации античного наследия в польском интеллектуальном пространстве на рубеже веков оказываются сопряжёнными с формирующимся в культурно-историческом дискурсе стран центрально-восточноевропейского ареала понятием «пограничья». Ключевым в осмыслении подобных представлений в Польше становится обращение к античному наследию, которое выступает не только как демаркация западной и восточной культурных традиций, но и как фактор, определяющий отношение польского общества к социалистическому и новейшему периоду истории страны. Представления о греко-римской античности, сложившиеся в профессиональной историографии и литературно-художественной традиции (З. Херберт, Я. Бохенский, Р. Капуцинский) на рубеже веков, демонстрируют интерпретацию и репрезентацию античного наследия как неотъемлемой части интеллектуальной культуры социалистической Польши и сопутствующих ей явлений диссидентства, борьбы с социалистическим режимом и возрождения национальной идентичности, а также как инструмента конструирования постсоциалистической исторической и культурной памяти и обновлённого общеевропейского самосознания польского общества в XXI в.

Ключевые слова: греко-римская античность, рецепция античности, историография, историческая память, социалистический режим, диссидентство, пограничье, Польша, Центральная и Восточная Европа

Интерес к региональной специфике восприятия и осмысления античного наследия в странах Центральной и Восточной Европы актуализирован дискуссиями последнего десятилетия, которые посвящены общим методологическим вопросам историографии и историописания в центрально-восточноевропейском регионе. На фоне активного обсуждения и оценки социалистического прошлого и его влияния на современную культуру в странах региона в целом и в Польше в частности рецепция античного наследия и представления об античности на уровне как профессионального, так и непрофессионального знания на рубеже XX – XXI вв. приобретают тенденциозный характер и превращаются в один из способов выражения определённого социокультурного интереса в контексте региона. Образ античности, конструируемый с обозначенных позиций культурно-

исторической специфики, в свою очередь, позволяет исследовать ещё один вариант регионального многообразия рецептивных практик.

Польские исследователи – историки, филологи, литературоведы – обратились к проблеме понимания места и роли античного наследия в польской культурной традиции и культурных традициях близлежащих государств одними из первых в Центральной и Восточной Европе (см. [1–4]). Часть работ обнаруживает идею общеевропейского прошлого, ключевым маркёром которого становится единая классическая традиция, господствующая в образовании, религии, искусстве (например, исследование влияния античного наследия на культуру польского Просвещения) (см. [5, s. 13–14]). Однако окончательное оформление центрально-восточноевропейской (и польской) рецепции античности произошло относительно недавно. Статья польских исследователей-антиковедов Е. Аксера и К. Томашук, опубликованная в 2007 г., делает страны Центральной и Восточной Европы предметом изучения в международном поле исследований *classical reception* и призвана восполнить образовавшийся в англоязычной историографии пробел, связанный с продолжительным исключением этого культурно-исторического региона из международного и междисциплинарного взаимодействия.

Обосновывая отличие Центральной и Восточной Европы от других регионов, авторы постулируют её пограничное положение, когда «вместо того чтобы быть рассмотренной как периферия для рецепции античности, эта область теперь занимает пространство культурного пограничья, посредством столкновений, обменов и свободного выбора»¹ (“Instead of being seen as peripheral to the reception of antiquity, this area now occupies the space of cultural borderlands through encounters, exchanges, and free choices” [6, p. 132]). В такой постановке явно просматривается приверженность авторов известной концепции фронта, которая была предложена Ф. Тёрнером для истории США [7] и распространилась во второй половине XX в. на исследование всё более широкого круга регионов и исторических периодов. Акцентировалось внимание также на формировании стереотипов, образов и мифов в сознании нации (см. [8, с. 29–30]). Обращение к рецепции античности в таком контексте сочетается с постоянным ощущением, всегда присутствовавшим в самосознании поляков и прибалтов, считавших себя последним форпостом Запада перед российским Востоком.

«Пограничность» и «свобода» от так называемого канона восприятия античности повлияли не только на собственную историю стран Центральной и Восточной Европы, но и на осмысление дихотомии «Восток – Запад». Область, по мнению польских историков, оказывалась между востоком и западом «в любое время и в пределах понимания каждого из этих понятий», что «создало определённый парадокс: в этом регионе Европы порабощение было распространено, но также была возможность выбора и отбора – типичный опыт пограничной области» (“A region demarcated in this way lies between east and west, at any time and within every understanding of these concepts. <...> created a paradox: in this region of Europe enslavement was common, but so was the opportunity to choose and select – a typical borderland experience” [6, p. 134]). Подчёркивая исключительную роль античного наследия на протяжении фактически всей истории с зарождения

¹ Здесь и далее перевод с английского языка на русский наш. – А.А., Е.Ч.

первых государств на территории Центральной и Восточной Европы и до рубежа XX – XXI вв., авторы акцентируют внимание на социалистическом периоде, при котором изучение древних языков и античной истории, равно как и обращение к античному наследию сквозь призму культурной идентификации, оказывается под запретом. «В обществах советского блока греко-римская античность служила цели более или менее открытой диссоциации от коммунизма» (“In Soviet-bloc societies, Greco-Roman antiquity served the purpose of more or less open dissociation from communism” [6, p. 153]), а обращение к ней подчёркивало «европейский характер национальных традиций» (“the European nature of their national traditions” [6, p. 134]). Стремление к выражению региональной специфики рецепции античности после 1989 г. превращает её, следуя авторской идее, в центрально-восточноевропейский опыт развития собственных форм общественной жизни и сохранения идентичности, отличный от опыта рецепции в западноевропейских странах [6, p. 154]. Последующие публикации версий этой статьи (см. [9, 10]) свидетельствуют о фактическом замещении практик обращения к античности как к европейскому культурному наследию взаимодействием с нею с целью конструирования собственной истории².

Вызванный в англоязычных исследованиях интерес повлёк появление в декабре 2013 г. специального выпуска журнала, полностью посвящённого рецепции античности в поэзии Центральной и Восточной Европы (на примере четырёх стран – Болгарии, Польши, Румынии и России – во временных координатах от эпохи Просвещения до рубежа XX – XXI вв.), в котором кажущаяся монолитность региона как исторического понятия и как культурного пространства, коррелируемого единым контекстом «пограничья» в восприятии античного наследия, репрезентируется с позиций отдельных национальных традиций, что придаёт этому региону особую локальную самобытность или «провинциализирует» самоё понятие Европы (см. [11, p. 354]). Целью этого специализированного выпуска стало не только выявление региональных и национальных особенностей рецепции античности, но и, как указывается во вступительной статье, стремление к пониманию, «как классическая античность способствовала идее государственного строительства» (“how classical antiquity contributed to the idea of nation building”) в перечисленных странах [12, p. 258].

Наконец, риторика создания так называемого регионального лица античности находит своё обоснование в изданной в 2013 г. объёмной международной коллективной монографии “Classics and communism: Greek and Latin behind the Iron Curtain” («Античность и коммунизм: греческий и латинский за железным занавесом») [13], которой завершился международный центрально-восточноевропейский проект “Classics and Communism. The History of the Studies on Antiquity in the Context of the Local Classical Tradition in the Socialist Countries 1944/45 –

² В частности, Е. Аксер анализирует историю Польши с позиций её диалога с греко-римской античностью и, шире, контактов Польши как представителя восточноевропейского мира с западными традициями восприятия античного наследия. В числе факторов, способствующих такому взгляду на историю государства, он называет 1) «латинизацию» и культивирование традиции латыни для национальной и этнической идентификации, 2) развитие мифов о польском дворянстве как субъекте преемственности традиций римской республики, о политической исключительности Польши в период национального возрождения, а также 3) общеевропейские образовательные и воспитательные стандарты. Отмечает и период нахождения страны в социалистическом лагере, когда искоренение античной традиции как компонента западной культуры делало обращение к античности, с одной стороны, выражением своей диссидентской позиции, а с другой – способом для избегания преследования [9].

1989/90” («Античные авторы и коммунизм. История антиковедения в контексте локальных традиций; социалистические страны 1944/45 – 1989/90») (цит. по [14, p. 178]). Говорящее само за себя название проекта свидетельствует об определённой актуализации знания античной истории и культуры и отношения к нему на территории современных стран региона Центральной и Восточной Европы. Вполне понятна и цель данного проекта, которая состояла в лучшем понимании «предмета, ещё не изученного в деталях, отслаивая слой за слоем от до сих пор неизвестной истории этого важного аспекта европейской культуры под коммунистической осадой» (“a subject not yet examined in detail, peeling layer after layer off the still unknown history of this important aspect of European culture under Communist siege” [13, p. X–XI]). Представленные в этом издании биографии антиковедов, преимущественно филологов, региона Центральной и Восточной Европы (включая СССР), период творчества которых пришёлся на «коммунистическое господство» (“Communist siege” [13, p. XI]), погружены в современную историческую «оппозиционность» и национально-политическое полемицирование об отношении к недавнему прошлому центрально-восточноевропейских стран. А появившиеся вслед за выходом книги рецензии только подтверждают подобную позицию (см., например, [14]).

Точную характеристику этой публикации дала Н.В. Брагинская, отметив, что «в обсуждаемом издании большинство авторов тяготеют к созданию биографий выдающихся или не очень выдающихся представителей национального сообщества классиков, как правило, учителей авторов, а репрессии, пришедшие в значительной мере извне, облегчают переход агиографии в мартирологию» [15, с. 326]. Наглядным примером этому, на наш взгляд, может служить раздел, написанный уже упомянутым Е. Аксером, который показывает, как своеобразная «канонизация» биографии одного из известных польских антиковедов, академика и профессора Варшавского университета К. Куманецкого (*Kazimierz Feliks Kumaniecki*, 1905–1977) дифференцирует реалии развития польского антиковедения в социалистический период и восприятие социалистического прошлого в коннотации современности. Описывая польский опыт изучения античности как хороший пример солидарности сообщества классиков, сильного чувства миссии, уверенного лидерства, Е. Аксер заключает, что такое сообщество оказывало сопротивление и препятствовало репрессивным действиям на практике довольно эффективно [13, p. 187]. Ещё одним штрихом к конструированию социокультурной биографии становится тематика античных изысканий. Не случайно на первый план выдвигается научная проблематика латинской, в частности цicerоновской, традиции. У истоков польской интеллигенции, по наблюдениям автора, лежит античность и цicerонизм, а «учёные-классики и польская интеллигенция в коммунистической Польше в целом считали, что устойчивость к советизации состояла в сохранении духовной латинской традиции, и в возможности воспитывать людей готовыми бороться за свободу» (“Classical scholars, and the Polish *intelligentsia* in Communist Poland in general believed that resistance to Sovietisation consisted in preserving the spiritual Latin tradition and that it had the power to educate people to be ready to stand up for freedom” [13, p. 207]).

Кроме того, о необходимости учитывать своеобразие региональных контекстов и о прямой зависимости образа античности от региональных «социальных,

культурных и политических трансформаций» (“to the social, cultural, and political transformations” [16, p. 400]) говорит один из авторов коллективной монографии “Our mythical childhood... Classics and children’s literature between East & West” («Наше мифическое детство... Античность и детская литература между Востоком и Западом»), которая стала завершением проекта по изучению рецепции античных образов и сюжетов в литературе для детей, реализованного на базе междисциплинарного центра/факультета Artes Liberales при Варшавском университете. Вышедший позднее справочник польских авторов детской литературы XX – начала XXI в., в книгах которых присутствуют античные образы, насчитывает более 70 фамилий и ещё раз показывает, какие формы может принимать идея рецепции исторического наследия и какими путями это прошлое становится частью собственной современной культуры (см. [17]).

Интенциональность подхода к рецепции античности в историографии получает своё продолжение в сборнике “Antiquity and We” («Античность и мы»), в котором анализируется история существования междисциплинарного центра/факультета Artes Liberales при Варшавском университете, где с 1991 г. ведутся исследования, направленные на изучение не только различных аспектов античности, но и рецепции античности внутри страны и за её пределами. Посредством выделения в польской историографии античности наиболее заметных, «национальных» тем исследования, которые на протяжении нескольких социалистических десятилетий определяли направления исторической науки об античности в Польше, Е. Аксер демонстрирует отношение к рецепции античности с позиций самоидентификации и саморефлексии профессионального сообщества в условиях меняющейся социокультурной ситуации [18]. И здесь фигура Цицерона приобретает особый символический смысл, поскольку посвящённый творчеству Цицерона коллоквиум, организованный в 1989 г. в Варшаве, не просто дал возможность Европе выразить свою поддержку изменениям в Польше в канун первых свободных выборов со времён Второй мировой войны, но и стал основополагающим для так называемых свободных исследований античности в дальнейшем. Проводя параллели с 1956 г. и попыткой организовать подобный конгресс тогда, автор замечает, что «в обоих случаях было важно использовать классическую традицию как сообщение элите польской нации, что нужно сделать ещё одну попытку, чтобы освободить себя от тирании и восстановить парламентские свободы» (“In both cases, it was crucial to use the classical tradition as the message addressed to the elites of the Polish nation, then making yet another attempt to liberate itself from tyranny and regain parliamentary freedoms” [18, p. 27]). И это не единственный социокультурный маркер, при котором становление и функционирование знания об античности становится показательным. Исследования наследия Цицерона в Польше, ставшие основанием будущего центра, делают эту историческую фигуру символом «возвращения Польши в Европу» (“Poland’s return to Europe” [18, p. 27]), что, в свою очередь, отсылает нас к «глубоко укоренённой традиции I Речи Посполитой – Польско-литовского Содружества – и дворянскому пониманию идеи республиканских свобод» (“deeply rooted in the tradition of the I Rzeczpospolita – the Polish-Lithuanian Commonwealth – and the gentry-like understanding of the idea of republican freedoms” [18, p. 27]).

Итак, очевидное влияние посткоммунистического/посттравматического варианта центрально-восточноевропейской истории на осмысление роли и места античности в национальной идентификации, а также трансляция созданного образа античности в контексте дискурса угнетения и «борьбы» с недавним прошлым, трансформируют само понятие античного наследия, превращая рецепцию его в инструмент маркёризации региона, выраженный в идее особого регионального типа репрезентации роли и значения античности.

Попытка показать в этом региональном контексте «польское» лицо античности находит своё подтверждение не только на уровне профессиональной историографии, но и на уровне национального, общеизвестного художественно-интеллектуального наследия. Вторая половина XX в. и рубеж XXI в. ознаменованы деятельностью трёх выдающихся польских писателей, в творчестве которых античность стала смыслообразующим компонентом. Литературный образ, сформированный их произведениями, превратился в общекультурный польский символ так называемого эзопова языка, посредством которого польское общество сопротивлялось коммунистическому угнетению. Яцек Бохенский (*Jacek Bocheński*, псевдонимы Adam Hoser, Teodor Ursyn, род. 1926), Збигнев Херберт (*Zbigniew Herbert*, 1924–1998) и Рышард Капуцинский (*Ryszard Kapuściński*, 1932–2007) – известные писатели социалистического и современного периода Польши, в чьём творчестве обнаруживается множество античных аллюзий, метафор, реминисценций. Более того, они схожи в направлениях, в которых развивалось их творчество. В историографии существуют общность взглядов на творчество означенных писателей – от крайнего диссидентства (Херберт) к полудиссидентскому положению (Бохенский).

Образ античности в творчестве этих людей неразрывно связан с цензурой, запретами, диктаторством – в общем, со всем тем, с чем ассоциируется социалистический период в современной исторической памяти Польши (см. [19, 20]). Очевиден и литературный замысел – сделать античность максимально «современной», контекстуальной, дискретной и локальной, чтобы в условиях тотального табу это было единственно возможным, а главное – понятным обществу в своей целесообразности актом. При этом рецепция античности неотъемлема от творчества этих людей, биография каждого из которых позднее, после 1989 г., будет либо полностью сконцентрирована именно вокруг «античного периода» (как в случае Я. Бохенского и З. Херберта), либо античность для самого автора послужит идейным и содержательным подтекстом в переосмыслении собственной жизни (как в автобиографии Р. Капуцинского). Значение творчества обозначенных писателей для современной культуры Польши отмечено публикациями знаковых произведений, относящихся к осмыслению рецепции античности, уже после 1989 г.:

– посмертное издание эссе З. Херберта «Лабиринт над морем» (*Labirynt nad morzem*, 2000), а также переиздания многочисленных произведений, например:

- 2001 г. – “*Król mrówek*” («Король муравьёв»);
- 2004 г. – «Стихотворения» (перевод В. Братанишского);
- 2007 г. – “*The Collected Poems. 1956–1998*” («Собрание стихов. 1956–1998»);

- 2009 г. – “Węzeł gordyjski oraz inne pisma rozproszone. 1948–1998” («Гордиев узел и другие разновременные произведения»);
 - 2010 г. – “The Collected Prose, 1948–1998” («Собрание рассказов. 1948–1998»);
 - 2015 г. – «Лабиринт у моря» (перевод А. Нехая) и др.;
- выход в 2010 г. сборника эссе Я. Бохенского “Antyk po antyku” («Античность после античности»);
- создание в 2004 г. Р. Капуцинским автобиографического эссе «Путешествие с Геродотом» (*Podróże z Herodotem*, 2004).

Описывая создание книги «Божественный Юлий» (*Boski Juliusz. Zapiski antykwarium*, 1961), первой из античной трилогии, посвящённой исторической фигуре Юлия Цезаря, его многочисленным завоеваниям и обожествлению в обществе тогдашней Римской республики, Я. Бохенский отмечает, что прочтения античных источников, содержащих сведения о Цезаре, в том числе и написанных им самим, различались в зависимости от времени обращения. Описания сражений, описания баталий... Но менталитет автора! Этот менталитет, будучи подростком, Я. Бохенский, по его собственному признанию, и не заметил, «а может быть выветрился из его головы в годы сталинизма»³ (“A może wywietrzała mi z głowy przez lata stalinizmu?” [21, s. 120]). Так или иначе книга стала сенсацией и политическим событием (“To już była sensacja. Z powodu książki o Juliuszu Cezarze wybuchła awantura wielkiego kalibru, wydarzenie polityczne...” [21, s. 130]), а «уровень комментариев в коммунистической Польше, где свобода обсуждения была ограничена цензурой, оказался намного выше, а сами комментарии дальновиднее, чем в СМИ свободного Запада» (“Poziom komentarzy w komunistycznej Polsce, gdzie swobodę dyskusji ograniczała cenzura, był o niebo wyższy niż w mediach wolnego Zachodu” [21, s. 138]). Названная поляками «политическим памфлетом» (“wrażenie politycznego pamfletu” [21, s. 135]), в которой аналогии Цезаря и Сталина лежат на поверхности, книга позднее стала причиной ухода автора из официальной журналистики в подпольное творчество. Изданная в 1969 г., через 8 лет, вторая книга трилогии “Nazo poeta” («Поэт Овидий Назон»), повествующая о сложных отношениях поэта Публия Овидия Назона с Октавианом Августом и его судьбе после изгнания из Рима, расценивалась самим Я. Бохенским как показатель конфликта польской культуры с социалистическим правительством. На риторический вопрос, имеются ли аналогии между Назоном и Гомулкой, он откровенно отвечает утвердительно, сетуя при этом, что не имел возможности встретиться с глазу на глаз ни с одним императором, «даже с Гомулкой» (“Niestety, nie spotkałem się nigdy oko w oko z żadnym cesarzem ani nawet z Gomułką” [21, s. 173]).

Конструировать контекст, в который углублены и без того провокационные произведения, Я. Бохенский берётся и для книги польского диссидента З. Херберта «Лабиринт над морем», издания которой сам автор так и не дождался. В основе сборника лежат эссе о путешествиях в Грецию в середине 60-х – начале 70-х годов, написанные в 1973 г. Только последняя глава о Риме появилась позднее. Политическая цензура и сложность в опубликовании, по мнению

³ Здесь и далее перевод с польского языка на русский наш. – А.А., Е.Ч.

Я. Бохенского, сделали это произведение столь популярным [21, с. 82]. Философские размышления об античной Греции, которыми у З. Херберта перемежаются описания современных ландшафтов греческих островов, Я. Бохенский сопровождает своими комментариями. Например, размышляя о Греции как особом месте земного шара, он отмечает, что «Грецию можно посетить, но древняя Греция – источник европейской цивилизации, а не туристический аттракцион, как Майорка. Греция – знание. Греции должны учиться» (“Grecji można zwiedzać, ale starożytna Grecja, źródło cywilizacji europejskiej, coś powiedzieć, nie jest obiektem turystycznym jak Majorka. Grecja jest umiejętnością. Grecji trzeba się nauczyć” [21, с. 86]). В размышлениях он приходит к выводу, что «нужно выбрать, узнать больше элементов греческого: Платон, архитектура, гексаметр – и жить с этим» (“Trzeba coś wybrać, nauczyć się kilku pierwiastków greckich, na przykład Platona, architektury, heksametru, i z tym żyć” [21, с. 86]). А может быть, продолжает размышлять автор, «Греция – это вовсе и не знание, а вакцина, то есть вещество, которое должно быть в крови» (“Może Grecja nie jest umiejętnością. Może jest szczepionka. Substancją, która trzeba przyjąć, wchłonąć i nosić we krwi” [21, с. 86]).

Я. Бохенский явно использует важный для поляков и для всей Восточной Европы архетип единого истока цивилизации, частью которой по достоинству должна считаться и Польша, однако в силу разных причин, ей не позволено в полной мере осознать это. Возможно ли заменить Грецию, которая лежит в основе этого пресловутого европоцентризма другой великой культурой? Я. Бохенский даёт отрицательный ответ: «Греческих классиков, которые были важным компонентом гуманистических достижений образования несколько сотен лет, сегодня нельзя заменить классикой индусов» (“ze klasyki greckiej, która była podstawowym składnikiem humanistycznego wykształcenia młodzieży przez kilkaset lat, nie zastępuje dziś klasyka hinduska” [21, с. 87]). В то же время предлагает не возводить в культ то, что уже превратилось в некий идол. От произведения З. Херберта, как считает Я. Бохенский, мало пользы в сравнении с творениями Гомера или, например, надписями из архитектуры, искусства. Но и здесь он просто цитирует З. Херберта: «Не допускается жадно глотать всё... из объектов массовой работы должны быть выбраны лучшие, как сумма остальных» (“nie wolno żarłocznie połknąć wszystkiego... należy wybrać spośród masy przedmiotów dzieła najlepsze, będące sumą innych” [21, с. 97]).

Схожий взгляд на античное наследие позднее продемонстрирует Р. Капуцинский, выбрав именно «Историю» Геродота для представления своих журналистских путешествий по всему миру, в том числе по странам третьего мира и Востока. Издание польского перевода Геродота совпало с моментом смерти Сталина и ослаблением цензуры в Польше в середине 50-х годов (см. [22, с. 14–15]), что позволило писателю проиллюстрировать «Историю» Геродота важными веками XX в., свидетелями которых был он сам. «Польский» Геродот, как и античный, «пересекает границы» [22, с. 26], сталкивается с иными, неизвестными культурами и даже становится «первым глобалистом», способным мыслить в планетарном масштабе [22, с. 83]. Свои путешествия, а также несхожесть культур Запада и Востока, которую Р. Капуцинский вынес из этих путешествий, он делает комментарием к обширным фактам столкновения Запада и Востока, зафиксированным в «Истории» Геродота.

Геродот – конечно же, понимающий мотивы обеих сторон человек «пограничья». «На мировоззрение таких людей, которые выросли среди многих культур, – пишет Капуцинский, – в которых смешаны разные крови, влияют такие понятия, как пограничье, дистанция, непохожесть, разнородность» [22, с. 56]. Такая «пограничность» Геродота между Востоком и Западом (или между Грецией и Персидской империей) позволяет автору придавать «космополитичному» Геродоту черты восточноевропейского писателя-историка. Прежде чем персы уйдут из Европы побеждёнными, будет война, «в которой Персия должна победить Грецию, то есть Азия – завладеть Европой, деспотизм уничтожить демократию, а рабство разделаться со свободой» [22, с. 214].

Аналогии между Персидской державой и Россией, разрозненной Грецией и государствами центрально-восточноевропейского региона приводят к складыванию определённого регионального видения. Это – пограничье между Востоком и Западом, что благоприятно сказалось на культуре данной территории, и культура эта не была поработана из-за априорной исторической приобщённости к традиции общекультурного или общеевропейского наследия. Отношение к античности базируется на восприятии её как недоступного, подцензурного и «заграничного» наследия.

В произведениях всех авторов лейтмотивом выступает форма познания античной культуры посредством путешествия в незнакомый и недоступный для поляков, да и для всего социалистического блока мир. Впрочем, восточноевропейская индивидуальность такого «путешествия», скорее, причина, чем следствие подобных интенций. В книгах Я. Бохенского автор выступает то антикваром, «путешествующим» по древним письменным источникам (“*Boski Juliusz. Zapiski antykwarusza*”), то конференсье, «бродящим» по жизни Овидия Назона (“*Nazo poeta*”), а то и вовсе гидом, показывающим туристам последнее прибежище императора Тиберия – остров Капри (“*Tyberiusz Cezar*”). В заметках о создании последней, завершающей трилогию рукописи (была опубликована полностью лишь в XXI в.), Бохенский подчёркивает, что в книге он изначально намерен был совершить тур! На Капри, на виллу Юпитера он готов взять не только молодых археологов, марксистов, но и даже (чванливых?!) туристов со всего мира, разных национальностей. И, конечно, поляков без иностранной валюты. Разумеется, все граждане социалистических стран будут обеспечены в книге о Тиберии бесплатным сенсационным проездом [21, s. 179].

Ещё один пример подобного «путешествия» предоставляет З. Херберт. Путешествуя по Греции, он выделяет несколько опорных точек своего философского маршрута. В пояснении, например, акцентирует внимание на Крите, осмысливая влияние исчезнувшей крито-микенской культуры на последующее развитие Греции. Он восхищается немногими памятниками, оставшимися с той эпохи, и задаётся вопросом: что такое Крит? Остатки империи, великолепные дворцы столицы... Ему кажется, что людям древнего Крита была чужда гордость великих цивилизаций. Они не принимают участи. Они пытаются выжить в их самобытности и иллюзорном чувстве безопасности [23, s. 42]. Спарта же, напротив, не вызывает интереса З. Херберта. Этот оплот консерватизма и олигархии не производит впечатления [23, s. 57–58]. Немало внимания уделено афинскому Акрополю, в котором он видит своего современника [23, s. 99], и исчезнувшим

этрускам, из которых потомки Энея сотворили нечто вроде «негативного эталона личности; чёрный фон, на котором должны были просиять их собственные суровые достоинства» (“negatywnego wzoru osobowego; czarne tło, na którym błyszczeć miały ich surowe snoty” [23, s. 112]).

Таким образом, в польском интеллектуальном контексте второй половины XX и начала XXI в., представленном как историографией, так и художественной литературой, присутствует явная тенденция к поискам в античном материале обоснований новых, возникших недавно и ещё не имеющих опоры в широком общественном дискурсе концепций переписывания истории, с одной стороны, и утверждению глубоко укоренившихся в сознании польского общества в социалистический период подходов к античности как к универсальному наследию Европы, с другой стороны. И всё это существует на фоне превалирующего в общественном сознании ощущения особой миссии культурного «пограничья» между Западом и Востоком, а уже – между Западом и Советским Союзом (Россией).

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 15-01-00353).

Литература

1. *Stabrila S.* Hellada i Roma w Polsce Ludowej. Recepcja antyku w literaturze polskiej w latach 1945–1975. – Kraków: Wydaw. Literackie, 1983. – 640 s.
2. *Antyk w Polsce.* – Łódź: Wydaw. Uniwersytetu Łódzkiego, 1992. – Cz. 1. – 219 s.
3. *Antyk w Polsce. Studia.* – Łódź: Wydaw. Uniwersytetu Łódzkiego, 1998. – Cz. 2. – 358 s.
4. *Starnawski J.* Antyk wciąż żywy. – Łódź: Primum Verbum, 2010. – 172 s.
5. *Antyk oświeconych: studia i rozprawy o miejscu starożytności w kulturze polskiej XVIII wieku.* – Warszawa: IBL Wydaw., 2013. – 759 s.
6. *Axer J., Tomaszuk K.* Central-Eastern Europe // A Companion to the Classical Tradition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. – P. 132–155.
7. *Turner F.O.* The Frontier in American History. – N. Y.: Henry Holt and Co., 1920. – 293 p.
8. *Панарина Д.С.* Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны // История и современность. – 2015. – № 1. – С. 15–41.
9. *Axer J.* Kultura polska z punktu widzenia mechanizmów recepcji tradycji antycznej. Prolegomena do syntezy // Humanistyczne modele kultury nowożytnej wobec dziedzictwa starożytnego. – Warszawa: Neriton, 2010. – S. 15–81.
10. *Axer J.* Reception of the Mediterranean classical tradition in Central and Eastern European culture // Does Poland lie on the Mediterranean. – Krakow: Międzynarodowe Centrum Kultury, 2012. – P. 18–81.
11. *Greenwood E.* Afterword: Omni-Local classical receptions // Classical Reception J. – 2013. – V. 5, No 3. – P. 354–361.
12. *Torlone Z.M.* Introduction to special issue: classical reception in Eastern and Central Europe // Classical Reception J. – 2013. – V. 5, No 3. – P. 257–267.
13. *Classics and communism: Greek and Latin behind the Iron Curtain.* – Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete; Budapest: Collegium Budapest Institute for Advanced Study; Warsaw: Faculty of Artes Liberales, 2013. – 576 p.
14. *Nechutova J.* Recenze: Classics and Communism: Greek and Latin behind the Iron Curtain... // Graeco-Latina Brunensia. – 2015. – V. 20, No 1 – P. 178–181.
15. *Брагинская Н.В.* Как изживали классику и как она выживала (Размышления над книгой «Античный авторы и коммунизм») // Новое лит. обозр. – 2014. – № 5. – С. 324–342.

16. *Marciniak K.* Our mythical childhood... Classics and children's literature between East & West. Final debates, May 23–26, 2013, Centre for Studies on the classical tradition (ОБТА), Faculty of "Artes Liberales", University of Warsaw // *Eos. Commentarii Societatis Philologiae Polonorum.* – 2013. – No 2. – P. 399–403.
17. Polish literature for children & young adults inspired by classical Antiquity: Catalogue. – Warsaw: Univ. of Warsaw, 2013. – 444 s.
18. *Axer J.* Antiquity and We – The Perspective of the Period of Transformation // *Antiquity and We* / Ed. by K. Marciniak. – Warsaw: Faculty of "Artes Liberales", Univ. of Warsaw, 2013. – P. 21–47.
19. *Kononczuk E.* Historia w ofercie turystycznej. Opowieść Jacka Bocheńskiego o Tyberiuszu // *Białostockie Studia Literaturoznawcze.* – 2010. – T. 1. – S. 29–47.
20. *Blazejewski T.* Antyczny paradygmat. Bocki Juliusz Jacka Bochenskiego // *Antyk w Polsce. Studia.* – Łódź: Wydaw. Uniwersytetu Łódzkiego, 1998. – Cz. 2. – S. 334–342.
21. *Bochenski J.* Antyk po antyku. – Warszawa: Świat książki, 2010. – 212 s.
22. *Капуцинский P.* Путешествия с Геродотом. – М.: НЛЮ, 2008. – 296 с.
23. *Herbert Z.* Labirynt nad morzem. – Warszawa: Fundacja Zeszytów Literackich, 2000. – 216 s.

Поступила в редакцию
15.11.15

Ашаева Анастасия Валерьевна, аспирант кафедры всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: ashaeva.nv@gmail.com

Чиглинец Евгений Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, Россия
E-mail: Evgueni.Tchiglintsev@kpfu.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 3, pp. 862–873

**Reception of Antiquity as a Metamorphosis of "Frontier"
in the Polish Intellectual Context of the Second Half of the 20th – Early 21st Century**

*A.V. Ashaeva**, *E.A. Chiglintsev***

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: **ashaeva.nv@gmail.com, **Evgueni.Tchiglintsev@kpfu.ru*

Received November 15, 2015

Abstract

The paper is devoted to the research of the Polish historiography of antiquity reception in the second half of the 20th – early 21st century. The appeal to Graeco-Roman antiquity in the cultural practices of the Central Eastern European region during the last decade has become a subject of research from the standpoint of regional and sociocultural studies, as well as interaction with local cultural traditions

of individual countries. The historiographical experience of Poland demonstrates a certain connotation of the ancient heritage in the context of “frontier”, which characterizes the position of the entire region since 1989 and allows construction of the historical/cultural memory of the Polish society at the crossroads of cultural traditions of the East and West. The aim of the research is to identify the specifics of antiquity reception in Poland, which is reflected in the Polish academic historiography and literary tradition (Z. Herbert, J. Bohensky, and R. Kapuscinski). The task of the paper is to determine how the Polish professional academic studies of antiquity demonstrate the attitude to antiquity reception from the standpoint of self-identification and self-reflection of the community under the conditions of changes in the sociocultural situation. Simultaneously, the problem of considering reception of the ancient heritage in the Polish culture, such as in the intellectual literary tradition, is solved. The sociocultural approach to the investigated problem allows to show the forms and mechanisms of development of separate historiographic images of antiquity. The trends and approaches to study of the ancient heritage that developed in Poland make it possible to consider antiquity as the integral part of the culture of socialist Poland and such phenomena accompanying it as dissidence, anti-socialist fight, and revival of national identity, as well as turn antiquity into a tool for constructing the post-socialist historical and cultural memory and renewed pan-European identity of the Polish society in the 21st century.

Keywords: Graeco-Roman antiquity, reception of antiquity, historiography, historical memory, socialist regime, dissidence, frontier, Poland, Central and Eastern Europe

Acknowledgments. This study was supported by the Russian Foundation for Humanities (project no. 15-01-00353).

Для цитирования: Ашаева А.В., Чиглинцев Е.А. Рецепция античности как метаморфоза «пограничья» в польском интеллектуальном контексте второй половины XX – начала XXI в. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 3. – С. 862–873.

For citation: Ashaeva A.V., Chiglintsev E.A. Reception of antiquity as a metamorphosis of “frontier” in the Polish intellectual context of the second half of the 20th – early 21st century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 3, pp. 862–873. (In Russian)